

19. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.
20. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001. С. 82.
21. Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? М., 1996.
22. Невидимая брань: Блаженной памяти старца Никодима Святогорца / пер. с греч. еп. Феофана. М., 1999.
23. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. URL: http://yanko.lib.ru/books/sociology/bauman;individualized_society;2005
24. Марков Б.В. После оргии // Бодрийяр Ж. Америка. СПб., 2000.
25. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального 2. Размышления о Всемирном торговом центре – третья версия. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2001_07.htm
26. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
27. Бауман З. Свобода. М., 2006.

L.S. Yakovlev, G.A. Rozevatov
Features of Self-Identification
in Network Communities

The Internet is considered as communication environment providing ample opportunities for self-development and self-expression, thuswise – for self-identification. It is proved that the Internet communication is generally mediated by virtual communities. Network communities represent a new type of social organization which requires being analyzed namely as a new social phenomenon.

Key words and word-combinations: online communities, self-definition, socialization.

Интернет рассматривается как коммуникативная среда, предоставляющая широкие возможности для саморазвития и самовыражения, а следовательно, для самоидентификации. Доказывается, что интернет-коммуникации, как правило, опосредуются виртуальными сообществами. Сетевые сообщества представляют собой новый тип социальной организации, требующий анализа именно в качестве нового социального феномена.

Ключевые слова и словосочетания: сетевые сообщества, самоидентификация, социализация.

УДК 316.354:004.738.5
ББК 60.55+32.973.202

А.С. Яковлев, Г.А. Розеватов

ОСОБЕННОСТИ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ
В СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВАХ

Интернет-комьюнити в современных условиях стали одним из важнейших агентов социализации. Интернет предоставляет самым широким слоям населения доступ к набору ресурсов, ограниченных лишь уровнем общего культурного потенциала человечества, и снимает ограничения на саморазвитие. Если в традиционных культурах человек был замкнут в пространстве непосредственного окружения, где действовал целый спектр механизмов социального контроля, исключавших вариативность развития, с появлением сетевой организации свободным оказывается не только выбор из огромного набора возможных траекторий, но и конструирование своей собственной. В последние годы связанные с этими процессами социальные изменения стали предметом интенсивной научной разработки [1–3].

Сеть предоставляет широчайшие возможности для личного самовыражения, поскольку терпимость и автономность, заложенные в концепции всемирной паутины, всячески поощряют индивидуализацию творчества. Однако наряду с этим Интернет оказывается не просто еще одним каналом коммуникации, расширяющим ее возможности, но делает необходимой модернизацию коммуникативной культуры, отрицая возможность использования целого ряда привычных для нее схем. Наиболее масштабным при этом оказывается пересмотр базовых определений культуры, соответствующих обретенному ею в Новое время характеру публичности.

В какой-то мере действительно происходит отказ от парадигмы Просвещения, во всяком случае, в том ее виде, какой зафиксировали как негатив Т. Адорно и М. Хоркхаймер. Конечно, критика общества, в котором «единичный человек исчезает на фоне того аппарата, который он обслуживает» [4, с. 6], вполне соотносится с марксистской концепцией отчуждения, но в подходе Франкфуртской школы и ее последователей внимание концентрируется не на экономике, а на культуре. Однако, если в сфере экономики идея модернизации имеет крайне мало альтернатив, и изменения, скорее, воспринимаются как позитивные, в отношении культуры, консерватизм имеет существенно больше шансов на положительное восприятие. Именно с этим подходом связан концепт «нового Средневековья».

Возникает он, как принято считать, в книге Р. Вакка «Ближайшее средневековье» и эссе У. Эко «Средние века уже начались». У. Эко для популяризации этой идеи создал роман «Имя розы», который получил культовую экранизацию. «Медиевизация» общества понимается здесь отнюдь не только как одичание, утрата культурных достижений предшествующей эпохи. Такой подход более свойствен романтическому консерватизму в духе Ортеги-и-Гассета. Концепция «нового Средневековья» включает осмысление изменения соотношения личности и общества.

Античный мир (оставляя в стороне проблему соотношения его модели интеграции человека в социум с азиатской) базировался на полисной демократии. Насколько архаична была в этом отношении культура Древней Греции, можно судить по тому, что в судебной системе изгнание приравнивалось к смертной казни. Человек мыслился как часть общности, населяющей город-государство. Его достижения становились частью славы этого города, к его имени обязательно прилагалось указание на все тот же город.

Средневековье, на первый взгляд, характеризуется еще более высоким уровнем провинциальности. Абсолютное большинство населения всю жизнь проводит на одном и том же клочке земли, практически ничего не зная об остальном мире. Однако христианство внесло в эту ограниченность разрушающий ее элемент. Человек может обратиться к Богу. Так рождается идея универсальности. Афинская Архэ и Рах Романа, по представлению абсолютного большинства граждан, являли собой растянутые на Средиземноморье полисы. Средневековая идея империи носит совершенно иную природу и к тому же имеет, как минимум, две интерпретации, по гвельфам и гибеллинам. Именно об этом, в одном из основных аспектов, и написан роман «Имя розы».

Собственно на такой основе возможна постановка вопроса о конструировании сознания. В отношении человека традиционного общества она крайне затруднительна. Средневековье родило концепцию религиозного воспитания. Эпоха модерна открывает возможности как бесконечно разнообразного индивидуального развития, так и манипулирования личностью. М. Делягин утверждает, что «с началом глобализации развитие технологий сделало наиболее прибыльным из общедоступных видов бизнеса формирование сознания. “Наиболее прибыльный из общедоступных” — значит наиболее массовый: главным делом человека становится уже не изменение окружающего мира, а формирование собственного сознания... Сознание человека превращается в объект наиболее интенсивного и хаотичного воздействия. Возникает огромное число обратных связей, из-за которых мир становится менее познаваемым. Снижение познаваемости мира повышает спрос на мистику, снижает потребность в науке, а значит, и в образовании, которое вырождается в инструмент социального контроля. Начинается архаизация человечества, его дегуманизация, скатывание в новое Средневековье» [5].

Эта внешне логично выстроенная аргументация, на самом деле, крайне уязвима. Воздействие на сознание продуктивно, поскольку имеет следствием наращивание человеческого капитала. Институт образования вряд ли можно считать вырождающимся, так как он слишком молод, чтобы обоснованно судить о тенденциях его развития. До конца XIX столетия массового образования просто не существовало, сложившаяся в первой половине XX в. система обслуживала потребности индустриального общества, и не может не меняться в связи с очевидной сменой его парадигмы на иную, как бы ее ни определяли. Что касается социального контроля, эта функция у образования была всегда. Наконец, оценка современных процессов, связанных с дегуманизацией, предполагает наличие критериев гуманности. В условиях, когда целый ряд событий истории XX столетия воспринимается обществом не просто противоречиво — присутствуют полярные оценки, говорить о наличии таких критериев, на наш взгляд, было бы необоснованно.

Не следует разделять идеи циклизма и проводить параллели между переходом от античности к Средневековью и от модерна к постмодерну. Ничто, на самом деле, не повторяется. И в этом смысле трудно согласиться с мнением А. Фурсова и его последователей, полагающих, что переориентация массового читателя с научной фантастики на фэнтези означает индоктринацию мифологического сознания, а Гарри Поттер должен рассматриваться как пророк архаизации, подчинения людей иерархии, построенной на нормах мифологического сознания [6]. В Гарри Поттере очень странно видеть кого бы то ни было, кроме бунтаря, не способного вписаться в любую иерархическую систему. Его история, как она написана и представлена в фильме, пронизана протестом против школьной бюрократии, неравенства, основывающегося на расовой сегрегации. Важнее, впрочем, другое. Научная фантастика построена на точно такой же мифологизации реальности, как и фэнтези. Просто в ней наука исполняет ту же функцию, что магия в фэнтези. И это вполне соотносится с интерпретацией Т. Адорно и М. Хоркхаймером дискурса Просвещения как мифологического.

Интернет также становится объектом мифологизации и порождает многочисленные мифы [7; 8]. Именно это и побуждает многих видеть в нем мощный инструмент погружения общества в новое Средневековье. В действительности стойкость рационалистических установок зависит не от распространенности мифологических конструктов в обществе, а от продуктивности рационализма как основы жизненных стратегий. В архаических обществах люди располагают слишком слабыми ресурсами для колонизации будущего, чтобы рационализм мог создавать для своих носителей значимые преимущества. Напротив, в эпоху модерна рациональное знание лежало в основе технологий, непосредственно обеспечивавших эффективность производства.

Интернет, существуя на базе комплекса высокотехнологических решений, не требует участия в их разработке и даже элементарного понимания от абсолютного большинства пользователей. Собственно, не имеет значения, изучили ли мы специальную литературу, и постигли секреты туннелирования трафика, или верим, что пакеты перемещаются магическим путем. Вмешательство пользователя в технологический процесс не только не желательно, но в определенных условиях носит деструктивный характер. Из этого, однако, не следует, будто Интернет создает условия для дерационализации сознания. Это всего лишь информационно-коммуникативная среда. Усилия по ее созданию и поддержанию продуктивны не сами по себе, а лишь как создающие условия для действительно продуктивной деятельности. Именно ею и занято незначительное меньшинство пользователей, и в данном случае нет нужды в тотальном включении в творческую деятельность поголовно всех: контент кто-то должен потреблять, иначе его создание не имеет смысла, соответственно, потребление так же социально значимо, как и создание ценностей.

Однако особенностью интернет-среды как раз является то, что она провоцирует творческую активность. Практические результаты этой активности в абсолютном большинстве случаев, конечно, не стоит переоценивать. При этом творческая деятельность безотносительно к результату, и даже просто принимаемая за творческую, оказывает определенное воздействие на развитие личности. Следствием этого является индивидуализация как один из необходимых результатов самоидентификации.

Параллельно развивается обратная тенденция к общинности, свойственная Интернету вообще, а русскоязычному Интернету в особенности. На страницах сетевых СМИ можно встретить множество обсуждений дискуссий, открытых диалогов. Диалогичность, даже многоголосие, были тоже свойственны «паутине» изначально. В сетевой журналистике также можно встретить множество образцов коллективного творчества. Общинность, характерная для обитателей сети, весьма располагает к этому. В качестве примера такого коллективного творчества можно привести электронную энциклопедию «Википедия», куда каждый желающий может добавить свою статью или комментарий.

Сегодня в разряд интернет-сообществ попадают форумы, чаты, группы участников многопользовательских сетевых игр, вики-проектов, социальных сетей. О правомерности рассмотрения этой совокупности довольно разнородных объектов в качестве единого социального феномена свидетельствует простой аргу-

мент: все комьюнити возникали с очень разными целями, при различных обстоятельствах, развивались по разным траекториям, но есть очевидные механизмы сближения их форм, структур, технологий, а в конечном счете и типовых характеристик участников: формирование практик модерации, отсутствие жестких иерархий, тенденция к структуризации информационного пространства.

Социальные сети создали новую среду, в которой решаются разнообразные задачи. Сети могут рассматриваться как площадка для поиска работы и обмена профессиональной информацией; в качестве непосредственной среды фриланса; как торговая площадка. В России изначально преобладал третий вариант, первый и сейчас не имеет решающего характера (в силу сложившихся традиций недооценки полуформальных каналов поиска работы), а фриланс развивается несколько замедленно, с учетом своеобразных традиций, часто смешиваясь с «шабашкой». Разумеется, важной функцией остается фатическая. Интенсивно осуществляется культурный обмен.

Возникающие в социальных сетях комьюнити не целевые, ориентированы не на определенные направления интересов, а на общение вообще. Иногда в литературе утверждается, что данные комьюнити образуют не виртуальные друзья по интересам, а реальные знакомые, родственники, коллеги, одноклассники и однокурсники. Будь это так, одним из важнейших сервисов сетевых площадок не был бы поиск знакомых: очевидно, нет смысла разыскивать человека, с которым постоянно общаешься. Если бы группа выпускников одного класса средней школы не разрывала взаимоотношений в последующие годы, им не особо нужна была бы сеть «Одноклассники».

Любая сеть в виртуальном пространстве тяготеет к тому, чтобы развиваться именно как виртуальная сеть, и здесь не имеет решающего значения, что служит первичным объединяющим компонентом — общий интерес к наборам кастов в WOW или воспоминания о когда-то проведенном в одной компании уикэнде. Если люди общаются исключительно в сети, стилистика их отношений будет именно сетевой, как когда-то существовал эпистолярный жанр, язык которого отличался и от разговорной, и от стандартной литературной речи.

Как правило, аналитики отделяют социальные сети от блоговых и микроблоговых площадок (LiveJournal, Foursquare, Twitter). В любом случае мы имеем дело с неким взаимодействием информационного и коммуникативного пространств, но блоги в большей мере ориентированы на информацию (хотя это отнюдь не информационные конструкты). Конечно, блоггер прежде всего презентует себя, но осознанно или не осознанно это делает любой автор любого сообщения. Разумеется, посты в блогах ориентированы на то, чтобы произвести определенное воздействие на читателя, при этом диалог с читателем является необходимым компонентом деятельности всякого автора.

Принципиальное отличие состоит в другом. В социальной сети взаимодействие — безусловная самоцель, где содержание сообщения даже не вторично, оно излишне, участники коммуникации обходились бы без него, будь у них в принципе такая возможность. Именно так складывались ритуальные формы коммуникации, фиксируемые в архаических культурах. Общение может иметь чисто фатический смысл, и в социальных сетях оно, прежде всего, таковым является.

В то же время самый очевидный тип комьюнити, разумеется, — сообщества по интересам [9]. Интернет просто предоставил оптимальные возможности для развития этого типа связей, поскольку разнообразие потенциальных интересов ограничивает возможности становления таких сообществ как соседских, а в сети найти друг друга могут даже носители самых экзотических пристрастий. Однако отождествлять этот тип с комьюнити вообще неосновательно. Людей могут объединять и иные мотивы.

Выделяются комьюнити, имеющие именно сетевую природу. Они построены на новом типе общения — дистанционном. В определенном смысле дистанционная тусовка может быть интерпретирована как просто вид тусовки, но отсутствие физического контакта — слишком значимый фактор, чтобы его игнорировать.

Имеются и сообщества, для которых интернет-связи носят вторичный характер, так как объединяются они вокруг локальных интересов. В организационном плане они наиболее близки к форумам, но наличие в основе коммуникации реальных локальных проблем делает эти группы весьма специфичными. В частности, получают развитие целевые сообщества, объединяющиеся вокруг некой задачи. В этом случае речь идет об аналоге политических партий или тред-юнионов. Для них интернет — лишь среда, создающая возможности для объединения.

В высшей степени показательный анализ логики развития сетевых сообществ раскрывается А. Ивановым в литературном проекте «Комьюнити». Сюжетобразующая информационная технология (ДиКСи) представляет собой синтез поисковика и инструментария социальной сети. Само по себе и то, и другое изобретениями отнюдь не являются. Разумеется, с помощью Google или Яндекс можно отыскать разрушительную для личности информацию, и в социальную сеть можно уйти без возврата, подменив реальную жизнь муляжами. При этом сами технологии предпосылок к тому не создают. Иное дело ДиКСи.

«Самовыражение, в отличие от самореализации, так эгоистично, что ему нет дела до причины, нужен только повод. “ДиКСи” это знал и повод отыскивал всегда... К человеческому общению или к установлению истины эта речевая активность отношения не имела». Это манипулирование в самом чистом, неприкрытом, виде, причем оставляющее очень мало возможностей защиты: осуществляется не индоктринация идей, а ограничение доступного человеку информационного пространства, все операции ведутся в пространстве коммуникативном, значимость которого всячески артикулируется. Манипулирование, построенное на ложной посылке (самовыражение есть всего лишь стадия самоидентификации), в практических решениях оказывается эффективно.

Диалогия А. Иванова — на самом деле, одна из первых последовательных, эксплицированных попыток понять, какими мы становимся, начиная жить в информационном обществе. Информационная диктатура выдается за проявление доминирования потребительской идеологии. Консюмеризм поносить модно, безопасно, и не возникает желания задумываться об абсурдности этого занятия. Между тем проблема не в потреблении как таковом, а в том, что герой книги готов послушно принимать диктуемые извне правила, не задаваясь очевидным вопросом, кому это выгодно. Разумеется, ни ему, ни ему по-

добным в голову не придет проанализировать структуру своего потребления, задаться вопросом: как получилось, что именно определяющая ее система ценностей кажется вечной и безусловной, откуда эта система взялась, кто ее ему навязал.

«Тексты, слагающиеся в гипертекст, — это образы. Где брать такие тексты, всегда решает культура эпохи. Древние греки брали из своей мифологии. Люди Средневековья черпали из религии... Пользователь двадцать первого века лезет в Википедию». Так, желаемое выдается за действительное. Web 2.0 — формула нового Интернета, освобожденного от искусственных инструментов организации. На рубеже веков сеть очистилась от не свойственной ей природе диктатуры провайдеров. Она изначально создавалась как ризома, в которой никакой иерархии не то чтобы не должно, а просто не может быть. Контент Web 2.0 — мнения, ничего больше, и он никак не может быть соотносим с мифологическим или религиозным сознанием. Если человек верит, что последний пост в его форуме под ником Abracadabra есть истина в последней инстанции, он лично не воспринимает себя находящимся в Web 2.0, но это проблема индивидуального развития, а не сети.

Возникающие как одна из форм социальной адаптации сетевые сообщества представляют собой совершенно новый тип социальной организации, замещающий предшествующие, поэтому вполне логично резко негативное отношение к ним со стороны консервативно мыслящих публицистов и политиков. Смена общественных форм воспринимается теми, кто связывает с этими формами свою жизнь в трагедийном ключе. В действительности, комьюнити — одна из форм организации социальных взаимодействий, агента социализации. В современных условиях человек интегрируется в общество, и в первую очередь, возможно, через сетевые структуры. Этот процесс обладает некоторыми новыми по сравнению с предшествующими периодами характеристиками, которые требуют дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Булков А.А. Социально-психологический анализ характеристик участников социальных сообществ в интернете // Ученые записки ИМЭИ. 2014. Т. 4. № 4.
2. Саенко Л.А., Егоров М.В. Интернет-пространство как фактор формирования сетевого сообщества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 1.
3. Харченко Д.А. Социальная типология и структура интернет-сообществ // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 2 (81). С. 14–18.
4. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения: философские фрагменты. СПб., 1997.
5. Делягин М. Начинается архаизация человечества, его дегуманизация, скатывание в новое Средневековье. URL: <http://delyagin.ru/articles/50869-prizrak-temnykh-vekov.html>
6. Гаджиев М. В ожидании Нового средневековья. URL: <http://daggazeta.ru/slider/214-v-ozhidanii-novogo-srednevekovya.html>
7. Гончаров А. Мифы Интернета – 15 разоблачений. URL: <http://dengi-vseti.ru/raznoe/mifyi-interneta-15-razoblacheniy>
8. Мифы об Интернете и как с ними бороться. URL: <http://www.lki.ru/text.php?id=5130>
9. Акаев Д.В. Место Интернет-сообществ в современном общественно-политическом процессе // Вестник ПАГС. 2008. № 3 (16).